

Борис Ряховский

В степи и в горах

Повесть

Рисунки Е. Флёровой

ЩЕНОК

Городскому человеку, шофёру, подарили в степи щенка. Оказалось, шофёру скоро не вернуться в город, нужен ещё в степи. Шофёр оставил щенка у дороги, в пустом глиняном домишке, по-здешнему — мазанке. Мазанка была поставлена возле колодца. Шофёр, видно, рассудил, что щенка подберут — геологи ли подъедут набрать воды, чабаны ли пригонят сюда поить овец.

А колодец был брошенный, не ездили сюда. Из него воды не зачерпнёшь: обвалилась каменная кладка.

Щенок съел хлеб, вылакал воду, налитую для него на лист железа с загнутыми краями. Днём щенок прятался от солнца в мазанке, ослабел, скулил чуть слышно, прерывисто, как задыхался. Под утро бродил вокруг, лизал влажные от росы веточки полыни. Разрыл пыльный сугроб и вытащил закаменевший от времени брикет фруктово-ягодного киселя. Щенок сорвал обёртку, упорно грыз брикет. Занятие это было бесплодное, зубки щенка и следа не оставляли на каменистом брикете, но упорство поддерживало его силы. Когда под вечер подъехали двое верховых, щенок перекатился через порог и дополз до ног лошади.

Люди спешили, это был старый чабан Кашкарбай и его младший сын Даулет. Они подивились — кто же оставил щенка, ведь на колодце не бывают годами. Чуть жив был щенок, дрожал в пасти острый язычок. Поманила бы его на рассвете роса, а дневное пекло задушило бы.

Люди походили, искали деревянную колоду, из неё когда-то поили здесь скот. За колодой люди и заехали сюда. Нашли возле очага щепки и поняли, что опоздали. Тот человек, что оставил здесь щенка, изрубил колоду на дрова.

Юноша помог отцу сесть в седло. Подал завёрнутого в пиджак щенка. Поехали всадники прочь от заброшенного колодца. Сперва рысью, а когда кони разогрелись, пропотели, погнали во всю мочь.

Движение и холодный воздух оживили щенка, он полез из свёртка, тянул голову. Увидел тёмное, с бородкой лицо чабана. Лицо ласково рассмеялось.

Чабан встряхнул свёрток, так что щенок провалился в глубь его, и прижал крепче.

В ступе копыт всадники перевалили сухие бугры и уж потише, осторожнее стали спускаться в сумрак речной долины. Снизу, из сумрака, в вечернее красное небо тянулась светлая нить дыма, слышалось овечьё блеянье. Здесь, у реки, было летнее пастбище.

Юноша остался у юрты расседлать коней. А его отец со свёртком пошёл к воде по ископыченному песчаному берегу. Вывалил щенка на песок, поддел ладонью воду, плеснул, щенок рванулся, упал, зарылся носом в воду, судороги трясли его тельце.

Старый чабан поймал его за загривок, говоря: «Обопьёшься ведь, лопнешь». Так со щенком в руках пришёл к юрте. Здесь его жена помешивала в котле над очагом, варила творог. Чабан опустил щенка на землю, взял у жены скребок и выложил перед щенком белую горку.

ПЕРЕГОН НА ЗИМОВКУ

Зима в тот год, по приметам, обещала быть снежной, с ветрами. В горах снегу ожидалось особенно много. И всё-таки Кашкарбай, как всегда, решил зимовать в горах: там трава гуще, хоть овцам и тяжело добывать её из-под снега.

Сначала к перегону на зимовку готовились на ближних от посёлка пастбищах.

С Кашкарбаем за помощников были два пса, пастушеские овчарки, чёрно-пёстрый и красный, да подросший щенок, и оставался сын Даулет с женой. Стучал движок насоса, над цементной колодой стояли кони, пили. В стороне грудилась отара, рвалась к колоде, её удерживал красный пёс.

Щенок увидел на земле кусок рафинаду, посчитал его своим. Щенка отогнал от сахара пёстрый пёс. Не спеша подобрал сахар, раскусил. Половинку выплюнул и попятился, дескать, угощайся, малый, и дальше держись меня, не обижу.

В этот миг старый чабан крикнул красному псу: «Пускай овец!» — и щенок забыл про сахар. Овцы шарахнулись, едва не сбили, не затоптали щенка. Тогда Красный врезался в отару, рыча отсек первую группу и погнался к колоде.

Добродушен, снисходителен был Пёстрый к щенку, а щенок выбрал в наставники Красного. Злющий был Красный, от него слышали только рычание. Но мигом понимали его овцы, чего он велит, двигаться, стоять, сбегаться ли в кучу. Пёстрый собирает овец, набегается, язык набок, хватает овец за ноги, головой бьёт, а они опять в разброде.

Как-то встретилась им отара соседа-чабана. Щенок не отстал от Красного, но в схватке с соседскими псами был тут же отброшен: не суйся, когда старшие дерутся. Ему порвали хвост. Хвост поболел и отвалился, остался мохнатый торчок. Окликали щенка теперь Куцым...

— Что, Куцый, пойдём во впадину Карагие? — спросил Даулет.

Юрта была разобрана, кошмы, связки жердей, утварь погружены в кузов машины. Нужно было двигаться к осенним пастбищам.

— Вроде бы не надо нынче во впадину, в позапрошлом году пасли там... — сказал Кашкарбай. — Выбьют траву овцы, и пропало хорошее место.

Куцый похлопал обрубком хвоста по земле, он всегда был согласен со стариком.

— Да ведь нынче была засуха, а в Карагие трава хорошая... и до гор близко... до зимовок, стало быть, — гнул своё Даулет. Кашкарбай не отвечал на этот раз, он понимал: сын облегчает ему зимовку. Кто знает, может, она последняя.

Здесь, во впадине Карагие, обычно готовили последний перегон в горы. Погонят группами: сперва молодняк, за ним овец, выделенных на мясо, в третьей группе — овец, которым весной быть с ягнятами, в четвёртой — баранов-валухов.

Делить отару — дело долгое, гонялись за каждой овцой, а их сотни и сотни.

Работали люди сутками, не раздевались, и псы с ними работали, и Куцый работал. Рос он быстро, лапы стали широкими, мохнатыми. Работы как будто не убывало, ночи сливались в одну холодную, ветреную ночь, дни — в долгий день с низким небом.

Куцего пошатывало, так он уставал. Бывало, он подходил, ложился возле старого чабана, поглядывал, как винился. Дескать, сейчас опять к овцам.

— Чего там... все с ног валимся, — говорил ему Кашкарбай и гладил щенка. Куцый, полежав так, поднимался и убегал, счастливый лаской хозяина.

Долог был перегон на зимовку, а уж сама зимовка в горах казалась бесконечной. Голые, ободранные ветрами бока гор, набитые снегом долины.

ВОЛКИ

Лежали псы или похаживали в отдалении, Куцый постоянно занимал пост рядом с Красным, так, чтобы видеть всю отару целиком и видеть чабанов. Видеть чабанов — прямая обязанность пастушеской собаки: она может понадобиться каждую минуту.

Похаживал Куцый следом за Красным, глядел, как овцы разрыхляют копытами снег. Морды у овец остроносые, губы тонкие, животным легко обкусывать лежащую, придавленную снегом травку.

Особенные заботы псам доставляли белый баран и две его приятельницы, что неотвязно следовали за ним. Эту троицу объединяла жадность: им постоянно казалось, что самая вкусная трава там, где их нет. Они отходили в сторону, начинали было щипать траву, но тут баран высматривал вдали торчащую из снега ветку и устремлялся к ней. Овцы бежали следом. Тотчас в отаре находились завистники, которые с блеянием бросались следом за троицей — Завидушие глаза. Красный терпел две-три такие перебежки, затем гнался за ними, лаял. Троица и прочие бежали дальше, по глупости надеясь скрыться из глаз. Красный срывался с места, догонял овец, рывкал и, если они продолжали бежать, хватал барана за заднюю ногу. Боль заставляла барана подчиняться. А Куцый догонял овец, его подружек, тоже хватал их за ноги, но потихоньку.

К вечеру отара возвращалась на зимовище. Овец загоняли в овчарню. Чабаны кормили псов, затем Красный в сопровождении Куцего обходил зимовище и забирался в нору, вырытую в стоге сена. Сквозь насторожённую дрему он слышал голоса чабанов и музыку транзистора, писк мыши в стоге, крик вороны, что одиноко летела в холодных сумерках.

Даулет жалел Куцего, ведь у него была первая зимовка. Куцый старался работать как взрослый пёс, а сил ещё нет и ноги коротки для глубоких снегов. Когда переходили на другое пастбище, обессиленный Куцый отстал и Даулет, вернувшись за ним, понёс его на руках. Но старый Кашкарбай отнял щенка и бросил в снег.

Отара втянулась в просвет между холмами и утащила за собой полосу взрытого снега. Тихо стало в горах.

Куцый полежал-полежал, стал спускаться по склону и увидел внизу трёх серых зверей.

Щенок чуял враждебное в неизвестных зверях: то были волки. Враждебным было их

неслышное движение, они шли цепочкой, след в след по краю пробитой овцами полосы, крадучись и одновременно преследуя отару. Однако щенок безотчётно брёл вниз по склону, он был измучен, туп от усталости.

Спас его Красный пёс. Красный выскочил из просвета между холмами. Послал его Даулет или сам Красный воротился за щенком? Ведь он отвечал за отару, а отставший щенок нарушил порядок, должен быть найден и получить своё.

Гнев гнал Красного, он бежал, не поднимая головы. Это погубило его, ведь он мог увидеть волков с изгиба склона и уйти. Он не увидел зверей, когда стал скачками подниматься вверх, к Куцему.

Звери рассыпались: один, что был мастью темнее собратьев и казался на снегу чёрным, рванулся вверх по склону, к Красному, а двое полетели низом.

Красный стал. Был у него путь наверх. Верхом он, может быть, ушёл бы, но там был Куцый, которого звери ещё не видели.

Взрычав, Красный бросился вниз, навстречу чёрному волку. С маху сбил его грудью, покатались они вниз. Вскочили, вновь сшиблись — и рассыпались. Отвалился Красный, дёрнулся и замер.

Сожравши Красного, по-хозяйски, неторопливо волки ушли, так же ступая след в след своему головному, чёрному. Прошли они чуть ниже того места, где сжался в рытвине Куцый. Не учуяли его, снег был взрыт ногами овец, посыпан их горошками. Головной чёрный волк был крупнее собратьев, морда в чёрной пестрине.

На рассвете Куцый спустился на днище долины, к месту гибели Красного, и увидел всадника. Всадник приблизился, и Куцый узнал старого Кашкарбая по седой бородке и круглой шапке с меховым околышем. Не слезая с коня, Кашкарбай оглядел место гибели Красного. Повернул и быстро уехал. Щенок одиноко побрёл следом. Он догнал отару при полном солнце.

Чернела юрта и сложенная из камней овчарня. Края дыры, бывшей входом в каменную овчарню, обметало лохматым куржаком: осел пар от овечьего дыхания.

Откинулась войлочная дверь юрты рядом с овчарней. Высунулся Даулет. Позвал Куцего. В юрте сидел Кашкарбай, ел. Даулет принёс собачью миску, наполнил кашей, сваренной с сушёным мясом. Куцый жадно сунулся в миску, но Кашкарбай отнял её. Ногой вытолкнул Куцего из юрты, поставил миску в снег и сказал:

— Нечего тебе делать в юрте: теперь будешь за Красного.

Пёстрый маячил на дальнем краю отары. Он потрусил навстречу Куцему. Поравнявшись с Куцом, Пёстрый отвернулся и хрипло выдохнул, этим сердитым звуком выражая, должно быть, своё недовольство. Дескать, явились — не запылились, болтаетесь невесть где, а я работай за вас.

Куцый, как бывало вместе с Красным, раз-другой обогнул краем отару. Затем, проваливаясь в снег, выбрался на обтопанный овцами холмик. Стоял — глядел, как кормятся овцы.

Десятка полтора овец, и среди них Баран — Завидушие глаза с подружками, отделились и мало-помалу разбрелись. Куцый спустился с холмика поглядеть, как Даулет и Кашкарбай тащат в низину большущий чёрный камень.

Люди, упарившись, отдыхали.

— Конца нет этой работе, — сказал Даулет.

— ...В прошлые вёсны, как спускались в степь, — отвечал Кашкарбай, — я стаскивал в кучу камни. А прошлой зимой мы с тобой закончили выкладывать овчарню: есть где укрыться от метели овцам. А теперь закладываем эту промоину.

— Проклятая промоина поглотит ещё тысячу камней! — Даулет вытер лоб подкладкой шайки.

— Ты ещё молод, соберёшь и тысячу камней. А если не успеешь — сын твой закончит. И когда его вместе с отарой запрут снега в горах, здесь пройдут трактора и возы с кормами.

— А другого пути в здешнюю долину нет? — спросил Даулет.

Отец не ответил ему. Даулет понял, что нет сюда другой дороги. С маху вбил под камень ручку лопаты.

Куцый развернулся и снова выбрался на утоптаный овцами холмик. Тянул голову — глядел на овец.

Место, где паслись овцы, было низкое. Летом, при дождях, сюда сбегалась вода, и росла оттого обильно чилига и какая-то долгая, кучками, трава.

Добежав до пучков травы, троица во главе с Бараном — Завидушие глаза поспешно бросилась обкусывать верхи. И тут же бежала дальше, завидев новые пучки.

Солнце заканчивало свой по-зимнему короткий путь. Стали глубокими тени в складках гор. Объехал отару Даулет, покрикивая, заворачивал овец. Так рассчитывал, чтобы к потёмкам отара неспешно приблизилась к каменной овчарне.

Не видел Даулет, как делает крюк Куцый, чтобы выйти навстречу отбившейся троице. Местами щенок плыл, так глубоки были снега. Когда он выкатился под ноги Барану — Завидушие глаза, вместо рычания у него вышел хрип. Баран обошёл щенка, будто куст чилижника, и потрусил прочь. Не от Куцего он убегал, он щенка и не заметил, а припустил за подружкой. Овца та, самая резвая из троицы, пробиралась к дальним, на отшибе, кустикам.

Ярость сделала Куцего сильнее. Он догнал барана, когда тот погрузился в набитую снегом низину, вцепился в заднюю ногу. С верещаньем Баран — Завидушие глаза рванулся, выдернув Куцего из снега, и побежал.

Куцый выгнал троицу к овчарне в глубоких сумерках. Пёстрый, увидев, что не Красный гонит троицу, а щенок, подскочил было к барану, чтобы «добавить» ему. Но оскалился на пса Куцый — не мешай, мол, — и в смущенье отошёл Пёстрый.

Было у них ещё несколько стычек, и Пёстрый признал Куцего хозяином другого края отары. А в овечьей памяти Куцый заменил Красного.

Кончилась и эта зимовка.

Взматерел Куцый. Голова у него стала крупная, лапа тяжёлая, а голос густой.

Славное лето пришло вслед за этой зимовкой. Дни его слились в один долгий и солнечный день, а ночи — в краткую тёплую ночь. Отара снова паслась на летнем пастбище. Кашкарбай спал

мало, ночами он был возле отары, но гнал от себя Куцего: пастушеский пёс должен выспаться за лето. Куцый ненадолго уходил, возвращался на рассвете, и они играли в свою любимую игру. Кашкарбай спрашивал, где растёт «борода дикого козла», и Куцый показывал.

Кашкарбай просил показать ревень. Куцый убежал, возвращался и приводил на склон холма, поросший ревенём. Все эти травы овцам вредны.

Кашкарбай хвалил пса и пояснял: взрослые овцы ревень не едят, а ягнята, бывает, и общипывают.

КАК ЧЕСТВОВАЛИ СТАРОГО ЧАБАНА

В конце сентября, в ветреный день, когда тени бегущих облаков испятнали степь, на поселковую площадь из ближайших домов снесли столы и стулья.

Богатое было застолье: резаные, залитые постным маслом помидоры разносили тазами, а варёную баранину — подносами.

Старый чабан Кашкарбай сидел за главным столом среди почётных гостей, приехавших из областного города и даже из столицы — из Алма-Аты. Чествовали его, большеукого темнолицего старика с двумя золотыми звёздами на лацкане пиджака. Ждали, что старый Кашкарбай передаст свою отару другому чабану; на выбор ему назвали двух.

Председатель тихонько послал за пастушеским посохом: к кабинету у него стоял для таких случаев новенький посох. Полагалось при передаче отары сказать наказ и преемнику вручить посох.

Между тем говорили речи. Один из приезжих гостей назвал Кашкарбая великим чабаном.

— Кто сберегал отару в метельные зимы? Кашкарбай. Кто сберегал отару при бескормице, когда после оттепели степь покрывается ледяной коркой и овцы не могут добыть себе еды? Кашкарбай. У кого овцы приносят по два ягнёнка, в то время как у других чабанов овцы приносят по одному? У Кашкарбая. Одно плохо: секреты свои не передал уважаемый Кашкарбай, — закончил гость. Тут он подумал, что перебрал и старый чабан обидится, и добавил: — Шучу, конечно.

Попросили сказать Кашкарбая. Председатель с посохом подвинулся ближе.

— Передам свой секрет, — сказал Кашкарбай, — тому передам, кто со мной пас отару пять зим. А таких нет. Одну зиму со мной пасли, две пасли. Был помощник, хороший парень, три зимы со мной пас — и ушёл. Тяжело, ведь я в горах зимую с отарой, а там снегу много, ветра. Только один мой помощник выдержал четыре зимы. Пятую выдержит — все секреты его, — и Кашкарбай показал на нижний конец стола, где сидел его сын Даулет.

Председатель сунул кому-то ненужный теперь посох, поправил галстук и дал знак. Оркестранты положили вилки, вытерли рты и разобрали свои трубы.

Запели трубы, забухал барабан. Журавлиный клин в небе дрогнул, стал забирать в высоту и исчез под облаком. Долетел ли до птиц гром труб, колот ли глаз их острый блеск?

Председатель подошёл к высокому, обёрнутому тканью сооружению, потянул верёвку. Открылась мраморная колонна, а на ней бюст: две звезды на лацкане, голова с острой

бородкой, круглая шапка с меховым околышем.

Люди хлопали, повернувшись к старому Кашкарбаю, а он кивал, благодарил или смиренно соглашался: дескать, если положено ставить на родине бюст дважды Героя Социалистического Труда, так надо ставить.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМОВКА КАШКАРБАЯ

И вот снова зима в горах.

Благополучно зимовала отара. Стояли тихие дни. Чисто было небо над горами.

Но сменились морозы снегопадами. Стало голодно волкам в степи. Поднялись они в горы.

Двое серых зверей начали появляться вблизи отары среди бела дня. Заходились в лае псы, метались, расшвыривали снег задними лапами. Даулет стрелял из ружья, исчезали серые звери, будто уходили в снега.

Раз от разу наглее становились волки. Видно, выловили и сожрали всех лис в окрестностях, видно, от охоты на мышей было мало проку. Уж не отгонял их выстрел, маячили звери на ближнем склоне. Один из них был темнее обычного, казался чёрным. Был умысел в их частых появлениях — звери надеялись, что отара в панике распадётся, кинется в разные стороны, и здесь только хватай. Бурлила отара в страхе, но метались псы, сбивая её и удерживая.

В солнечный день отара паслась на изрезанном, с ямами, хребте. Кашкарбай и жена Даулета остались на зимовище — еду готовить. Даулету приходилось часто перемещаться — один с отарой, а она двигается при пастьбе.

Куцый в тот день забегался. Невысокие бугры мешали видеть всю отару, чем пользовалась троица — Завидущие глаза. Кроме них, находилось немало охотников удрать в одиночку.

Куцый поднимался по склону бугра и увидел внизу за бугром волка.

Куцый вскинулся, зарычал, предупреждая псов и чабана об опасности, прижал уши и медленно пошёл на зверя.

Волк оставался неподвижен. Куцый остановился, разгадывая его поведение. Нет зверя боязливее волка, когда он сыт, и нет наглее его и умнее, когда голод сосёт его внутренности.

Зверь стоял спокойно, хвост его расслабленно повис до пяток. Сделал Куцый ещё шаг-другой, не выдержал зверь, повёл желтовато-серой, в чёрной пестрине мордой. Выдали его страх зеркальные злые точки в глазах. Переступил он лапами, хрустнула под ним пластина снега.

На рык Куцего примчался Пёстрый, в страхе и злобе заметался по бугру.

Волк повернулся и пошёл прочь. Куцый не бросился за волком в погоню, а пошёл медленно, рычанием распаляя себя и волка...

Подлетел Даулет, стал снимать ружьё.

Волк сделал скачок, второй и третий, будто убегая в испуге. Рассчитывал, что Куцый осмелеет при появлении хозяина, кинется за ним.

Куцый подыграл ему: он кинулся к волку, но остановился, заплясал на месте, как только остановился волк.

Вскинул ружьё Даулет. Вмиг волк сорвался с места. Рванулись за ним псы и всадник. Помчал конь по снежной целине. Рядом с конём неслись псы. Ахали, оседали под ними снега, тени псов были косматы, как овчины.

Волк исчез в провале оврага. Куцый остался на бугре: чуял подвох, волчью игру.

В тот миг, когда погоня на всём ходу с хрипом, в хрусте снегов влетела в расщелину, из-за ближнего бугра вымахнул другой, чёрный волк. Он бросился на тройцу — Завидушие глаза, что оказалась на отшибе. Сидел в засаде чёрный!...

Волк бросился на овцу, повалил, и в тот же миг молча навалился Куцый. Сшиблись они, покатались с бугра. Визг и рык!... Вскочил волк, стряхнул Куцего, взметнулся по крутому склону бугра. Куцый стал прыжками взбираться следом.

Примчался Пёстрый, остановился над местом боя. Взвизгнул в злобе и страхе: ударил в нос дух волчьей крови, будто огонь опалил.

Куцый не преследовал волка. Он разыскал и пригнал барана и вторую овцу. Схватил барана за штаны и пошёл яростно трепать. Верещал баран, бился. Трепал его Куцый, рычал: «Будешь помнить?... Будешь слушаться?...» Отпустил и сгоряча ещё какую-то неповинную овцу пугнул.

Прискакал Даулет, подозвал Куцего. Слез с коня, стал гладить, успокаивать. Шерсть на холке у Куцего намокла от крови, ухо было разорвано. Скулил, жалуясь.

НА ИЗЛОМЕ ЗИМЫ

Зима перевалила через середину, южный ветер принёс тепло. Пушистые глухие снегопады перемежались оттепелями.

Отара переходила на новое пастбище.

Стекала отара с гребня, оставляла в долинах чавкающую снежную жижу, и начинался новый подъём. Слабых овец тащили на руках. Сахарный виток сугроба, обвалившись, обнажал сырые тёмные пласты. След на глазах темнел, наполняясь влагой.

Наконец на плавно выгнутом хребте зачернела огромная, сложенная из камней овчарня. Позади бросок в шестьдесят, восемьдесят ли километров, впереди передышка.

Даже родных детей поражали овчарни из огромных глыб, сложенные отцом вручную, будто предвидел он приход этой измученной отары. Внутри овчарни были устроены закутки для ослабевших овец.

Куцый помнил о чёрном волке — ныла разорванная в схватке холка. Глубоко вошёл волчий клык, ядовитая волчья слюна.

Будь его воля, Куцый и днём держал бы отару в овчарне, рассуждая так, что пусть лучше овцы останутся с неполным брюхом, но в целости.

Кашкарбай и Даулет не одобряли его суровости, криком отгоняли Куцего и позволяли отаре разбрестись. Зимой каждый час дорог, овцы должны кормиться непрерывно. Даулет сажал на

лошадь жену. Втроём поднимали сбившуюся возле юрты отару, медленно гнали её против ветра. Прогоняли раз, и другой, и третий, заставляли овец кормиться.

По ветру овцы шли быстро, не ели, торопились к стоянке.

Баран — Завидущие глаза и его вторая приятельница, запуганные Куцым, прятались в глубине отары, общипывали остатки.

Куцый жил в тревоге, тревога эта тем более усиливалась, что чабаны не осознавали опасности. Забыли о могучем чёрном волке и его дружке.

Бывало, ночами, когда отара укрыта в овчарне, Куцый покидал стоянку, кружил по окрестностям.

В тихую ночь, когда мороз натянул снега, как полотнище, по ту сторону отрога Куцый остановился перед следом. След был свежий, хранил запах, который он узнал бы, выделил в тысяче запахов.

Куцый пустился по следу чёрного волка. Волки огибали разрезы ущелий, выбирая ободранные ветрами склоны, выступы подножий.

Сдвинулись отроги, след пошёл вверх. Щель сужалась, всё круче становился подъём. Местами, где проседал под ним снег, Куцый легонько съезжал на задних лапах. Сошлись отроги. Куцый помедлил и полез в чёрную дыру, под навес сугроба. Зарычал: стенки снежной дыры хранили волчий запах.

Посветлело впереди — и открылась синяя от луны равнина. Оказалось, проход был сквозным. Далеко, на краю равнины, знал Куцый, стоит посёлок. Туда по глади снегов мчатся волки. Может быть, звери уже в посёлке, идут по чёрным лентам теней, убегающих из-под тополиных стволов.

На рассвете Куцый вернулся к отаре.

— Что, нашёл волчий след? — спросил Даулет.

Чабанская собака знает сотни слов. Слово «волк» узнаёт одним из первых.

Куцый с готовностью оскалился.

— Нас волк сейчас не трогает, пусть живёт, — сказал Даулет. — Поешь, отдохни.

Куцый тихонько рыкнул: не мог он забыть волка.

Даулет снял рукавицу, провёл рукой по озябшему лицу, сказал терпеливо:

— Позёмка пошла, не сегодня завтра ветер бескунак налетит. Береги силы, сегодня погоним отару в край долины. При той овчарне запасы сена, да и вместительнее она.

Бескунак, метельный ветер, налетел на переломе зимы. Слово это по-казахски означает «пятеро друзей». В старину пятеро друзей возвращались в эту пору из гостей, заблудились и сгинули.

МЕТЕЛЬНЫЙ ВЕТЕР БЕСКУНАК

Из глубины степи с гулом и свистом катили снежные валы.

Даулет носился по краю отары, кричал, торопя собак, теснил овец конём. Метель застала отару на подходе к овчарне.

Кричали Даулет и Кашкарбай, носились псы. Вздрагивала отара и не двигалась с места. Робка и труслива овца, но сильнее её страха перед человеком страх перед свистящим белым ветром.

Вот когда послужит Баран — Завидушие глаза! Куцый протиснулся в середину кучки, где стоял зажатый овцами Баран — Завидушие глаза, зарычал, толкнул его грудью. Баран качнулся, проблеял, как сквозь сон, и вновь впал в оцепенение. Куцый цапнул его за задние ноги, рванулся баран, заорал. Ударом головы пёс посылал овец вперёд.

На миг останавливался Куцый, замирал, в скрученных струях ловил запах овчарни. Прыжком догонял барана, хватал его и кидал, направляя. Пропускал овец мимо себя. Крайнюю поддевал головой под зад, так что она летела, перебирая на лету передними ногами.

Кашкарбай стоял в дверях овчарни, считал овец. Наконец последняя в овчарне.

Дикая зима, бескунак небывалый! Жались псы к юрте, засыпало их с головой. Барахтались псы, как всплывая. Овцы в овчарне блеяли. В середине ночи, когда юрта была засыпана на две трети, люди проснулись — их разбудил шум в овчарне. Куцый слышал, как люди пытались выбраться через дверь. Он тянулся, держась лапами за край дымового отверстия, лаял. Его услышали, поняли, что юрта скоро будет завалена с верхом. Вспучился круг кошмы, закрывавшей дымовое отверстие, показалась голова Даулета, а там и он сам. Следом выбрался и Кашкарбай с лопатой.

Захлебываясь ветром, Даулет прокричал:

— Отгребай от овчарни. Я в посёлок! Ведь неделю без корма не прожить!...

Позже Даулет говорил, что не дошёл бы он до посёлка, не выведи его Куцый на равнину через неведомый Даулету проход в горах. Сколько он потом ни искал тот проход, не нашёл. Рассказывал, как его, обессиленного, ослеплённого снегом, Куцый гнал и гнал вверх, будто овцу, ударами головы, как вдруг покотился он вниз, зарылся в снег, а когда Куцый помог ему выбраться, он понял, что очутился на равнине, здесь было тише: хребет прикрывал от снежных, кативших в небе валов.

Даулет недолго бил в дверь. Загорелся свет в мутных, заваленных по переплёты рам окнах. Открыл председатель, глядел, не узнавал Даулета в этом залепленном снегом человеке.

Двух часов не прошло, как выехал из посёлка тягач. Даулет — в кабине, Куцый — в огромных санях, среди тюков прессованного сена.

Не прошёл трактор, в бессилии рычал, зарывшись в снежный холм где-то в предгорьях.

Через двое суток вернулись Даулет и Куцый на зимовище с вертолётами. Даулет упросил загрузить вертолёты сеном и кормами.

Вход в овчарню был откопан. Пар, пропитанный дыханием сотен овец, подхватывал, глотал ветер.

Куцый держался подальше от Даулета, готовый броситься бежать при первой попытке схватить

его и вновь засунуть в гремящее нутро вертолѐта.

В ПОСѐЛКЕ

Улетели вертолѐты. Ещё неделю пометался бескунак в горах и укатил белым зверем, утащил искристый хвост позѐмки.

Даулет однажды утром послушал-послушал, как стучат копытца по деревянным щитам, которыми накрывался земляной пол овчарни, как хрустят овцы сеном. Сказал отцу и жене:

— Вернусь, станем двигаться к месту окота.

Оседлал коня Даулет, уехал. Куцый ускользнул с зимовки. Обогнал хозяина, выскочил на него из балки, замер.

— Ишь, волю взял, никого не спрашивается! — засмеялся Даулет. — Разве сейчас время по гостям?

Куцый отстал от Даулета на въезде в посѐлок, где бульдозер пробивал проход в снегу; проделал недолгий путь огородами и по склону сугроба скатился в закрытый тополями двор. опередил молодого хозяина.

И лето и зиму чабан в степи, побыть в посѐлке для него праздник. Праздник начинается с бани.

Утром Куцый притрусил за Даулетом к бане. Хозяин исчез, а пѐс посидел, подождал и отворил дверь ударом лапы. Он очутился в предбаннике. Банщик крикнул:

— Не лето, двери-то держать нараспашку!...

Куцый, растерявшись и оробев, ведь он был степной пѐс, спрятался под лавку. Банщик сходил, закрыл двери, посчитав, что их оставил открытыми Даулет, и продолжал обсуждать с ним новости.

Тем временем он достал из тумбочки два веника, с шуршанием потряс перед Даулетом:

— Для чабанов припрятано... Один берѐзовый, другой, видишь, дубовый... Из Башкирии мне присылают посылками.

— Ты меня сильно веником не бей, — сказал просительно Даулет.

— Маленько похлестать надо, — спокойно ответил банщик. — Ты день за днѐм на ветру, у тебя стужа сидит в глубине, в костях, надо её паром выгнать. Опять же ты овчарней пропах, навозом, а пар вытягивает из кожи пот и грязь.

Даулет и банщик скрылись за дверью. Пѐс обошѐл раздевалку и лѐг под окном, откуда слегка дуло.

Из-за дверей приглушѐнно доносились голоса Даулета и банщика, звяканье тазов, плеск воды.

— Ай, хватит! — донеслось из-за двери.

Куцый узнал голос Даулета, вскочил. В голосе хозяина он услышал испуг.

— Ай, не надо! — вскричал Даулет.

Куцый бросился на помощь. Тяжёлая от сырости дверь мгновенно захлопнулась под действием пружины. Пёс очутился в пустынном помещении, среди каменных лавок, и стал было в растерянности.

Но тут из двери, врезанной в заднюю стенку мыльни, донёсся вопль Даулета:

— Ай, горячо! Ай, хватит!...

Куцый кинулся в распахнутую дверь. Горячий и плотный воздух оглушил его, обжёг ноздри. Сквозь слёзы, как сквозь туман, Куцый увидел под потолком хозяина и банщика. Его хозяина хлестали веником, он корчился и увёртывался!...

Куцый, оглушённый жаром, полез наверх, рывкнул. Обидчик Даулета увернулся, сунул в пасть псу веник. Куцый задохнулся, на миг потерял сознание и скатился по ступеням. Здесь Даулет схватил его за загривок и выволок в мыльню, а там и на улицу. Бегом вернулся в парилку со словами:

— Поддавай!...

— Пошло дело! — одобрил банщик. Рукой, одетой в рукавицу, он откинул дверцу в печи, за ней в глубине краснели раскалённые камни. — Берегись! — крикнул банщик, взмахнул тазом, плеснул.

Ахнуло, с шипением ударил пар.

На холоде пёс отряхнулся, отдышался. Помотав головой, наконец зацепил языком край прилипшего к небу берёзового листа и с отвращением выплюнул его. Шерсть на морде хранила въедливый запах раскисшего берёзового веника.

Пёс прошёл задами огородов, выбрался на тёмную улицу, вышел к хозяйскому двору. Постоял, побрёл назад, к центру посёлка.

Пересекая освещённую улицу, он наткнулся на след хозяина. След хранил запах кожи, овчарни, сена. Примешивался к этому сплаву запах предбанника.

СХВАТКА С ЧЁРНЫМ ВОЛКОМ

Вернулись поутру Даулет и Куцый к отаре, а там плохи дела: волки ночью забрались в овчарню, порезали десяток овец. Вот и погуляли, выходит, в посёлке.

Даулет утешал отца. Старый чабан не слушал утешительных слов. Он оседлал коня, позвал Куцего. Даулет подал ему дубину, это дедовское оружие из года в год возили с собой с летовки на осенники, с осенников на зимовки. Жаль было выбросить. Женщины этой дубиной пытались выбивать кошмы, да бросили: больно тяжела.

Волчий след, прострочив волны пуховых, искристых снегов, привёл погоню к подножию горы. Здесь в каменных расщелинах след пропал, однако Куцый по прямой, по целине, направился к каменной осыпи, что чернела в дальнем углу котловины.

— Держись рядом с конём, — велел ему старый Кашкарбай.

Местами ноги у лошади разъезжались на гладких, скрытых под снегом камнях. Звяканье от копыт о камни далеко разносилось вокруг. Куцый тянул голову, ожидая каждый миг появления поднятых с лёжки волков.

Так они пересекли осыпь. По команде старика Куцый обежал по краю осыпи, убедился, что уходящих следов волка нет, что звери затаились в камнях.

Куцый вернулся к тому месту, где волчий след входил в осыпь, и вновь потерял его на камнях. Утренний ветерок стёр с гладких камней быстрые касания волчьих лап.

В гневе заметался Куцый, и в этот миг его ноздри поймали лёгкую, как паутинка, струйку запаха: то был едкий, ненавистный, распалюющий запах волка.

Куцый, вытянувшись и подрагивая всем телом, пошёл через осыпь. Его вело верхнее чутьё, он ловил в ветре запаха зверя.

Раз, и другой, и третий, теряя направление, он принимался кружить.

Кашкарбай разгадал смысл его кружения и двинулся с края осыпи к её середине, чтобы не проиграть в расстоянии, когда волки не выдержат и выскочат из своего убежища.

Вскрикнул старик, указывая рукой вбок. Куцый оглянулся: из-под камня, из чёрной дыры выметнулись два волка.

— А-а! — завизжал Кашкарбай, поощряя Куцего, коня и себя.

Волки бросились к тому месту, где осыпь подходила к горе. Её крутой склон был труден для коня.

Наперерез им выскочил Куцый. Увернулся чёрный волк. Избегали звери схватки: миг задержки позволил бы верховому настичь их.

В новом прыжке Куцый вцепился в загривок чёрному волку, тот полоснул его клыками и стряхнул, как тогда — при первой схватке.

Налетая, диким голосом закричал старик, взмахнул дубиной. Волки бросились в разные стороны, погоня разделилась: Куцый преследовал чёрного волка.

Скрыла гора всадника. Стал чёрный волк, хлестнул себя хвостом по боку. Не подпустил к себе зверь, прыгнул. Во встречном прыжке Куцый выгнулся — и промахнулся зверь.

Смял Куцый зверя. В тот же миг волчьи клыки рванули грудь пса, а Куцый поймал волчье горло.

Погасли волчьи зрачки. Но силы покинули Куцего, и свет померк в глазах.

...Очнулся он в руках хозяина. Держал его хозяин на руках, мчал конь по степи.

ВЕСНА

Старый чабан выхаживал Куцего. Лаская, вёл рукой от тяжёлого загривка по тёмной, лежащей по хребту полосе. Эта полоса, верил старик, говорила о редких достоинствах пса. Не задумывался о том Кашкарбай, что достоинства пса — достоинства его, старого чабана. По

собаке узнаёшь, каков человек её хозяин: мелочен, труслив или великодушен, праздный он или в полную силу делает свою работу.

Плохо зарастали у Куцего глубокие раны на груди, на холке. Приходили к нему несколько раз на день Кашкарбай и Даулет, поглядывали в чашку с молоком, говорили с ласковым упрёком: «Ай, совсем не ешь». Гладили по голове, иной раз, забывшись, рука проскальзывала ниже, и Куцый дёргался всем телом: шея ещё не зажила.

Начался окот. Каждый день ягнята рождались десятками. Чабанам стало не до Куцего. Одинокое лежал пёс в своём закутке в углу овчарни. На зимовье приехали люди, что были посланы помогать чабанам при ягнении.

Наполнили первую клетку овцами с ягнятами. Клетка была далеко от Куцего, в противоположном углу овчарни, так что его не слишком беспокоил шум. Но ягнята всё появлялись на свет, клетки наполнялись одна за другой, катились по овчарне галдёж и верещанье, и заполнилась последняя клетка, за которой лежал Куцый.

Ягнята просовывали головки между рейками, глазели на пса. Пёс был неподвижен, молчалив, казался ягням, должно быть, овцой, тем лишь не похожей на других, что жил за пределами клетки. Когда какой-нибудь вёрткий ягнёнок продирался между рейками, он без всякой робости перескакивал через откиннутые вбок лапы пса. Один такой беглец, беленький с чёрной звёздочкой на лбу, набегался между клетками, накричался — да кто его услышит в таком галдеже, — обессилел, очутился в углу овчарни возле Куцего. Здесь стояла глиняная чашка с овечьим молоком. Ягнёнок сунулся в чашку мордочкой, привлечённый запахом молока, зачмокал. Очевидно, малость ему попало в рот, — он зачмокал живее, задёргался всем своим жиденьким тельцем. Голод научил его сноровке, так что дело у него пошло и он выдул полчашки. Походил ли Куцый окраской на мать, был ли хмелен от молока маленький обжора, только барашек, подогнув передние ножки, сунулся мордочкой куда-то в пах Куцему. Тот зарычал, отбросил его головой, попытался встать, но боль в груди повалила его.

Вечером Куцего разбудила возня барашка и стук глиняной чашки. Допив молоко, не обращая внимания на ворчание Куцего, он вновь залёг у пса под боком.

Прижился барашек под боком у Куцего — сыт был, спал день-деньской, согревшись у собачьего бока. Даулет, обнаружив ягнёнка на второй день, вернул его в клетку. Вновь тот удрал из клетки, опустошил чашку Куцего и лез ему под бок, суетливый, навязчивый. Овцы и ягнята с глупым простодушием наблюдали, как ягнёнок тиранит Куцего, а тот покорно вздыхает.

Окрепли ягнята, подросли. Присланные из посёлка люди уехали.

Талые воды скатились в овраги, в речку. Обсохли пригорки. Низины стали зелены. Жаворонки запели в небе.

Опустела овчарня. Бегал воробей по порогу, чирикал.

Кашкарбай, что осматривал углы и клетки, подхватил на руки Куцего, принёс к арбе. Арба была завалена частями юрты и пожитками. В задке лежало десятка полтора ягнят послабее. Старый чабан локтем отодвинул крайних ягнят, положил пса.

Мимо проскакал на пегом коньке Даулет, весело закричал, и отара потекла с бугра.

Арбу качало, местами встряхивало, однако Куцый встал на ноги. Отара была не видна псу, она шла впереди арбы, и тем острее волновали Куцего крики чабанов, лай, овечий гомон. Ему

казалось, что там, впереди, то и дело происходят заминки, кто-то мешает двигаться отаре. Куцый рычал — получались хрип и шипение. Ему послышалось, будто позвали его. Пёс прыгнул с арбы, ударился о землю с жалобным щенячьим визгом.

Уставали ягнята, медленно двигалась отара — однако не в силах был догнать её Куцый. Покачивало его на ходу. Грудь, и нога, и живот были стянуты шрамами. Подсыхающая кожица лопнула местами при падении с телеги, каждый шаг рождал в трещинах боль.

Заночевал Куцый на склоне отрога. Засыпая, он слышал острые запахи рассыпанных овечьих горошков и оброненных шерстинок, смешанные с запахами земли и трав. Тянуло холодом из долины, сыра была степь, разбухли от влаги луковицы тюльпанов, гусиный лук, весенняя крупка и бурачок выпустили стрелки. Пробили стрелки прель прошлогодних трав.

Проснулся Куцый при полном солнце. Выбрался на гребень отрога и увидел под собой на жёлтой, с зелёным налётом равнине отару и юрту.

Увидел Куцый также такое, что вызвало у него сердитое хрипение. Отара одним краем касалась пологого холма, в холме вешние воды промыли глинистую щель; три овцы, две из них с ягнятами, цепочкой проскользнули по щели и оказались за холмом, невидимые ни чабанским псам, ни Даулету.

Куцый поковылял вниз. Компанию он застал в низине. Возглавлял её Баран — Завидущие глаза. На дне низины выделялся травяной узор. Эта сочная травка, называемая чабанами «уушоб», была ядовита, но овцы, а за ними и ягнята щипали её. Баран не щипал травы — вовсе не потому, что он уже однажды попробовал этой травки и болел. Куда там, из его пустой башки ветер выдул память о том происшествии. Баран не щипал травы — он пялился на Куцего: пса он помнил, потому что память о нём хранилась не в голове, а в мясистой части задних ног.

Куцый узнал и приятельниц Барана — Завидущие глаза. Место овцы, зарезанной зимой чёрным волком, заняла знакомая Куцему овца, что приходилась ему вроде как соседкой последний месяц.

Это её, белый с чёрной звёздочкой, ягнёнок прыгал через неподвижного пса и пил молоко из его чашки.

Куцый попытался лаем прогнать овец, но вышло хрипение и бульканье — силы в лёгких не было.

Баран было попятился, но всё смазал белый ягнёнок: он подскочил к Куцему и стал перед его носом. Куцый попытался ударить его головой, но отскочил ягнёнок, завертелся на расстоянии. Вмиг к нему присоединился второй ягнёнок, ему тоже хотелось участвовать в игре. Куцый будто не замечал ягнят, он направился к овцам. Те отбежали, впрочем недалеко, пример ягнят подбадривал их. Направлялся Куцый к овцам, но вновь отбежали те и вертелись на расстоянии. Видя, что догнать овцу и потрепать её Куцый бессилён, к подружкам присоединился баран.

Бараны гибнут сотнями в метель, их засыпает снегом, а они стоят, прижавшись друг к другу, и блеют. Они гибнут в охваченной огнём овчарне. Тщетны крики чабана. Сбиваются овцы в кучу, словно ждут, когда стены и крыша обрушатся на них. Одна сила способна заставить их двигаться в буране, выгнать их из горящей овчарни — собака. Пуще смерти они должны бояться пастушеской овчарки, это назначение её.

Баран повернулся задом. В тот же миг вскочил Куцый, бросился. Подвигом были эти двадцать прыжков, подвигом большим, чем схватка с могучим чёрным волком. Каждый прыжок

заканчивался такой подсекающей болью, что Куцый проваливался во тьму. Он настиг барана, схватил его за ногу. Челюсти его остались сомкнутыми. С криком проволочил баран его, бесчувственного, стряхнул и перемахнул через гряды. В страхе умчались за ним овцы и ягнята. За грядой барана перехватил Пёстрый пёс и добавил ему, так что баран влетел в отару, сшибая с ног встречных. Хороша наука — да коротка баранья память!

...Очнулся Куцый с клоком бараньей шерсти в пасти.

Поплёлся тихонько, подошёл к отаре и лёг. Так лёг, чтобы видеть чабана и отару.

В осенний день на поселковой площади стояли столы. Дымилось мясо в эмалированных тазах. Люди говорили речи, благодарили Кашкарбая за труд его жизни.

Сыну Даулету Кашкарбай передал пастушеский посох, гладкий, будто кость. С посохом, понимали люди, Кашкарбай передаёт сыну отару и могучего пса Куцего.

О чём говорил старый чабан сыну, за общим столом никто не слышал.

Позже председатель сказал Даулету:

— Мне мой отец то же самое сказал, как отдавал мне отару: не падай с коня, сынок.

Даулет улыбнулся:

— Мне-то отец сказал, чтоб чаще отпускал к нему в посёлок Куцего.